

БАБЁФ В РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. Ю. Чепурина

В одной из своих последних статей Г. С. Черткова, известный советский историк-франковед, отмечала, что личность Г. Бабёфа — первого революционного коммуниста Нового времени — долгое время почти не привлекала внимание французских историков, казалась «мнимой величиной», однако теперь он по праву считается достаточно крупной, самостоятельной фигурой на французской политической сцене XVIII в. и привлекает с каждым годом все большее внимание ученых¹. А какой была эволюция отношения к нему в русской и советской исторической науке?

В XIX в. изучение истории Французской революции было в царской России запрещено вплоть до реформ Александра II. Все, что касалось событий 1789—1799 гг., относилось к «владениям» не столько исторической науки, сколько общественной мысли, культуры в целом, поэтому для этого периода мы располагаем лишь рядом высказываний о Бабёфе, принадлежащих публицистам и писателям.

Наиболее интересно среди них мнение А. И. Герцена. «За этим так и ждешь — Питер в Царском селе или Аракчеев в Грузине, — едко комментирует Герцен программу бабувистов. — ...Жаловаться трудно, чтобы в этом проекте не доставало правительства... Даже воспроизведение животных не предоставляется их собственным слабостям или кокетству, а регламентировано высшим начальством»². Александр Иванович видит в проекте «равных» прежде всего недостатки — излишний эта-

Мария Юрьевна Чепурина, аспирантка Института всеобщей истории.

¹ Черткова Г. С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? // Памяти профессора А. В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII века. М., 2003. С. 255.

² Герцен А. И. Былое и думы // Сочинения. М., 1986. Т. 2. С. 308–310.

тизм, централизм, склонность автора к насилию, стремление навязать народу свою волю: если бы Бабёфу, считает Герцен, «удалось овладеть Парижем, комитет *insurrecteur* приказал бы Франции новое устройство, точно так, как Византии его приказал победоносный Османлис; он втеснил бы французам свое *рабство всеобщего благосостояния...*»³. Охарактеризовав бабувистскую утопию таким хлестким выражением, как «каторжное равенство»⁴ и сравнив ее с крепостным правом, отметил автор, тем не менее, и одну заслугу Бабёфа: тот «видел, что, несмотря на казнь короля, на провозглашение республики, на уничтожение федералистов и демократический террор, народ остался ни при чем»⁵. Любопытно, что выдержки из «Былого и дум», в критическом свете рисующие коммунизм французского утописта были переизданы в 1919 г. отдельной брошюрой⁶, напечатанной по старым правилам орфографии: видимо, эта книжица должна была служить идейным оружием и против большевиков.

Кое в чем был солидарен с Герценом и Ф. М. Достоевский, тоже отметивший, что Бабёф был единственным деятелем Французской революции, который правильно оценил ее сущность: «не обновление общества на новых началах, а лишь победа одного могучего класса общества над другим»⁷.

* * *

Самое раннее из собственно научных исследований о Бабёфе появилось в России лишь в 1903 г. и принадлежало Е. В. Тарле. Его взгляд весьма критичен и насмешлив: не в последнюю очередь Тарле осуждал литературный стиль революционера, называл того плохим публицистом, чьи статьи растянуты, полны неудачных шуток и восхищения собственной персоной, часто нелогичны, «высокопарны, притворно горячны и что хуже всего — скучны»⁸. Как и Герцен, Евгений Викторович указал на излишнюю любовь Бабёфа в регламентации, используя для этого тер-

³ Там же. С.311.

⁴ Герцен А. И. К старому товарищу // Сочинения. Т.2. С.533.

⁵ Герцен А. И. Былое и думы // Сочинения. Т.2. С.310.

⁶ Программа государственного социализма Г.Бабёфа. В кратком изложении Герцена. М., 1919.

⁷ Достоевский Ф. М. Статьи, очерки, корреспонденции из журнала «Гражданин». 1873–1878 // Полн. собр. соч. Т.21. С.235.

⁸ Тарле Е. В. «Дело Бабёфа» // Очерки и характеристики из истории европейского рабочего движения. Спб, 1903. С.170–177.

мин «гуверманталист»⁹, и на приверженность к насилию: «террористы 1793 г. могут показаться образцом женственной мягкости, если сравнить их с бабувистами»¹⁰. «Историческое значение Бабёфа заключается вовсе не в теоретическом новаторстве... — полагает Тарле, — а только исключительно в политической роли, которую ему пришлось сыграть»¹¹. В качестве источников для своей работы историк использовал книгу Ф. Буонарроти «Заговор во имя равенства» (1828), все номера издававшихся Бабёфом газет «Трибун народа» и «Газета свободы прессы», «Манифест равных» и другие прокламации бабувистов, письма самого Бабёфа и его защитную речь на суде, опубликованные французским историком В. Адвельлем, а также документы по истории движения, напечатанные в 1895 г. французским журналом *La Révolution française*.

Через два года после работы Тарле вышла в свет книга Л. Жбанкова, представляющая собой популяризирующий пересказ французской монографии Г. Девилля. На первых сорока страницах кратко, без оценок, в основном посредством цитат из самого Бабёфа и его соратников (газета «Народный трибун», «Манифест равных» С. Марешаля, письмо к Директории после ареста, проекты декретов) излагался план заговора. Далее отмечалось, что идеология бабувистов была противоположна анархизму (хотя некоторые анархисты рубежа XIX–XX вв. и считали ее «своей») и далека от современного автору коммунизма из-за слабого развития производительных сил в XVIII в. Признавая утопичность планов заговорщиков, Жбанков видел ее причины в том, что плебейские массы, могущие стать движущей силой восстания, находились в армии Наполеона, а крестьяне, которым кое-что перепало от революции, были заняты перепродажей земли. Кроме того, было указано, что Бабёф исходил из искусственных представлений о человеке, не желая понимать, что неравенство возникло в силу объективных исторических причин. Несмотря на видение всех этих недостатков, Жбанков явно тепло относится к своему герою, описывая чистоту побуждений Бабёфа и низость тех, кто осудил его¹². Отметим, что книга Жбанкова вышла под одной обложкой с произведением А. Бебеля: в годы Первой русской революции история коммунистического заговора не была, конечно, темой сугубо академической.

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Там же. С. 194.

¹² Жбанков Л. История „Заговора равных“. Изложено по Девиллю Л. Жбанковым. М., 1905.

В 1907 г. вышла популярная брошюра о Бабёфе, автором которой обозначен (или обозначена?) некто Тель. Эпиграф из К. Маркса и Ф. Энгельса сразу показывает нам направление мысли автора. Яростно обличая главного противника Бабёфа, который вполне по-марксистски определен как «крупная буржуазия», автор, тем не менее, признавал невозможность реализации бабувистского замысла. Как и Жбанков, Тель отмечал, что народ, в частности, крестьянство, был далек от коммунистических идей и скорее принял бы их враждебно¹³. В силу недостаточной развитости производительных сил в XVIII в., Бабёф, по мнению Теля, не мог понять «сути классово-структуры общества»¹⁴. «Коммунизм Бабёфа был слишком беден и казармен. Заслуга Бабёфа заключается, следовательно, не в его плане устроить общество, а в той решительности, с которой он подчеркивал противоречие классовых интересов богатых и бедных, правителей и управляемых», — заключал автор¹⁵.

Н. С. Русанов, опубликовавший в 1908 г. отрывки из своей книги о развитии социализма, подчеркивал сходство доктрины Бабёфа с античными и средневековыми утопическими теориями. Эта доктрина, по мнению автора, соединяя в себе архаические черты и элементы современных социалистических учений, обеспечивала историческую преемственность идеологий¹⁶. Вопреки всем ранее названным авторам, Русанов полагал, что «сам по себе заговор равных... не мог во всяком случае являться чем-то химерическим и детски-нелепым, как то принято делать среди филистерствующих историков, которые охотно смешивают объективность с поклонением успеху»¹⁷. «Дешевыми остроумцами буржуазного лагеря» счел Русанов тех, кто критиковал учение Бабёфа за грубость, аскетизм и апологию «коммунистического хлеба»¹⁸.

Как мы видим, дореволюционные работы о «заговоре равных» весьма политизированы: даже в XX в. все они, за исключением лишь работы Тарле, еще относятся к жанру публицистики. Большинство авторов, писавших о Бабёфе, поднимали эту тему не столько из интереса к ней самой, сколько с целью опровергнуть или защитить опре-

¹³ Тель. Кай Гракх Бабёф — идеолог равных. М., 1907. С.22.

¹⁴ Там же. С.28.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Русанов Н.С. Влияние западно-европейского социализма на русский // Минувшие годы. 1908. №5–6. С.6–7.

¹⁷ Там же. С.9.

¹⁸ Там же. С.12.

деленную политическую идеологию. Многие работы представляли собой, по большому счету, пересказ плана бабувистов, сопровождаемый интерпретациями, комментариями, оценками. Подробности самого заговора, развития бабувистского движения мало интересовали публицистов. Рассуждали они, главным образом, о том, мог ли план Бабёфа реализоваться, хорош он был или плох и как соотносился с левыми идеями XIX—XX вв.

* * *

После прихода к власти большевиков Бабёф, наряду с другими революционерами и народными вождями минувших столетий, стал пользоваться повышенным вниманием историков-марксистов. Первая советская научная публикация о нем принадлежит перу В. П. Волгина: это — статья, опубликованная в 1922 г.¹⁹, а затем повторно — в 1935 г. Автор проанализировал бабувистские планы по организации революционной диктатуры и меры, которые должны были обеспечить поддержку новой власти народом сразу после восстания. Именно вопросы практики считал Волгин самыми интересными и важными в изучении «заговора равных», являвшихся «в весьма малой степени теоретиками»²⁰. Лишь взгляд на проблему коммунизма с точки зрения реального воплощения, по мнению ученого, отличает бабувистов от Морелли, чьи труды были для них главным идейным источником. Первоначально, полагал Волгин, идеология Бабёфа являлась мелкобуржуазным эгалитаризмом²¹. Заслуга Бабёфа-мыслителя, на взгляд исследователя, состояла в том, что она выдвинула идею классовой борьбы между богатыми и бедными²².

В другой статье, написанной уже в 30-е годы, Волгин заявлял, что коммунизм Бабёфа был грубым и аскетичным в силу неразвитости в XVIII в. производительных сил, а значит, и сознательности рабочих. Так же утверждалось, что бабувизм является прямым предшественником марксизма²³. Те же самые соображения Волгин высказал и в предисловии к русскому переводу книги Ф. Буонарроти, добавив, что беда

¹⁹ Волгин В. П. Идеиное наследие бабувизма // Вести коммунистической академии. 1922. № 1 С. 67–84.

²⁰ Волгин В. П. Идеиное наследие бабувизма // Очерки по истории социализма. М., Л., 1935. С. 213.

²¹ Там же. С. 223, 229.

²² Там же. С. 228.

²³ Волгин В. П. От Бабёфа к Марксу // Очерки по истории социализма. С. 393–407.

бабувистов была в невозможности понять то, что движущей силой социалистической революции может быть только пролетариат²⁴. В качестве источников Волгин использовал сочинения Буонарроти, номера газеты «Народный трибун», программный документ бабувистов «Акт восстания», работу Бабёфа «Постоянный кадастр» и его переписку с Ф. Дюбуа де Фоссе, опубликованную Адвельем. Кроме того, по свидетельству А. Р. Иоаннисяна²⁵, Волгин был знаком и с фондом № 223 Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма, где с конца 1920-х гг. хранились документы Бабёфа.

Покупка этих документов стал чрезвычайно важным событием для советской исторической науки. Первоначально архив Бабёфа принадлежал французскому коллекционеру Ж. П. Б. Поше-Дерошу: этим фондом в свое время и пользовался историк Адвель, опубликовавший часть документов. В 1881 г. Поше-Дерош умер, и коллекция ушла с аукциона. Она перешла к историку и коллекционеру Э. Шаравэ, а затем была распродана. В 1924 г. основная часть архива принадлежала коллекционеру А. Роллену, с которым и повел переговоры Институт марксизма-ленинизма. Покупка совершилась зимой 1926/27 г. В дальнейшем Институт разыскал и приобрел еще некоторые оказавшиеся у других владельцев документы, а также сделал в Национальном архиве Франции фотокопии бумаг, относящихся к деятельности Бабёфа. Формирование фонда завершилось к 1930 г²⁶. В научный же оборот эти документы поступили еще позднее.

Так, П. П. Щеголев, чья вышедшая в 1927 г. монография внесла значительный вклад в советскую историографию бабувизма, еще не имел, судя по всему, возможности использовать материалы указанного архивного фонда. В качестве источников он привлек газету *Moniteur*, материалы Вандомского процесса из Национального Архива в Париже, книгу Буонарроти и сочинения самого Бабёфа («Журнал свободы прессы», «Народный трибун», «Система депопуляции», «Путешествие якобинцев» «Битые платят штраф», «Хотят спасти Каррье» и документы, изъятые при аресте). Также исследователь воспользовался источниками, которые опубликовали в своих книгах французские историки Адвель и А. Эпинас.

²⁴ Волгин В. П. Движение «равных» и их социальные идеи // Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа. М., Л., 1948. С. 5–49.

²⁵ Иоаннисян А. Р. Рецензия на книгу Далина В. М. «Графх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции» // ВИ. 1965. № 1. С. 158.

²⁶ Сенкина О. К. К истории создания фонда Бабёфа // Бабёф Г. Сочинения. М., 1975. Т. 1. С. 29–39.

В своей книге Щеголев довольно критично охарактеризовал Бабёфа как деятеля, далекого от идеала рабочего вожака. В первые месяцы термидорианской реакции Бабёф, по мнению историка, «выступает как довольно банальный антиякобинец. Он подхвачен общим потоком»²⁷. В дальнейшем, обратив внимание на народную нужду, он переходит «от формальной демократии к революционной диктатуре»²⁸. Тем не менее, Бабёф, — писал Щеголев, — до конца будет искать союза с мелкой буржуазией и даже затушевывать коммунистические моменты своей программы, чтобы не отпугнуть ее²⁹.

Что касается идеологии этого революционера, то она, по мнению Щеголева, являлась всего лишь смесью из идей просветителей XVIII в. Настоящую же заслугу Бабёфа исследователь видел не в оригинальности его мысли, а в попытке практического воплощения задуманного³⁰.

В 1933 г. Щеголев выпустил новую книгу, где добавил к прежним источникам мемуары Ж. Малле дю Пана и частично пересмотрел свои взгляды. Теперь, согласно новой версии этого историка, Бабёф после термидора приветствует свержение Неподкупного уже не как «банальный антиякобинец», подхваченный общим потоком, а совершенно осознанно, поскольку считает Робеспьера недостаточно радикальным. С термидорианцами же сходится «по ошибке» и становится для них просто попутчиком, связанным лишь тактическими лозунгами³¹. Щеголев больше не утверждал, что Бабёф искал союза с буржуазией: это сами термидорианцы, полагал автор книги, хотели примазаться к народному движению и перехватить инициативу³². Особое внимание историк уделил опровержению общепринятой до того времени точки зрения о том, что предприятие Бабёфа было заговором узкой группы лиц. По мнению Щеголева, готовилось массовое вооруженное восстание, революция, а не путч³³. В качестве идейных отцов бабувизма он называл Ж. Ж. Руссо, Г. Мабли, Морелли, а также Т. Мора, Т. Мюнцера, левеллеров и «бешеных», а самую коммунистическую доктрину Бабёфа считал незрелой и примитивной³⁴.

²⁷ Щеголев П. П. Заговор Бабёфа. Л., 1927. С. 65.

²⁸ Там же. С. 92.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Там же. С. 162.

³¹ Щеголев П. П. Гракх-Бабёф. М., 1933. С. 40–51.

³² Там же. С. 107.

³³ Там же. С. 91, 152.

³⁴ Там же. С. 122–131.

Последняя, уже посмертная публикация Щеголева о бабувистах была посвящена Ф. Буонарроти. В статье излагалась биография деятеля до заговора и после, отмечалось, что он был одним из главных теоретиков бабувистов. Также здесь в целом повторялись тезисы из книги 1933 г., упоминалось, что бабувизм вырос из якобинизма и идеологии «бешеных» и что он, несмотря на излишнюю сосредоточенность на аграрном вопросе и другие вызванные эпохой «недостатки», все же был «передовой идеологией передового класса»³⁵.

Помимо названных исследований, в 20-е — 30-е гг. выходило много научно-популярных изданий, посвященных Бабёфу. А. Г. Пригожин, выпустивший такое сочинение в 1925 г., на первых же страницах признавался, что написал его преимущественно на основе литературы и не вводит в научный оборот никаких новых источников. Действительно, в книге имеются не только фактические, но и текстуальные совпадения с работой Жбанкова. Целевой аудиторией автора были неспециалисты, основным же объектом освещения — идеология Бабёфа, а не его биография. Доказывая преемственность между бабувизмом и марксистским социализмом, Пригожин, тем не менее, считал «равных» не пролетарскими и даже не предпролетарскими деятелями: «Причины... безнадежности предприятия заговорщиков кроются в социальной природе бабувизма. Несмотря на то, что Бабёф искал себе сторонников среди рабочих, и городской бедноты, коммунизм бабувистов не был идеологией рабочего класса, а был идеологией мелкобуржуазной бедноты; вследствие этого коммунизм бабувистов был чисто аграрным коммунизмом»³⁶. Далее автор еще не раз повторял, что «Бабёф и его друзья не являются предводителями пролетарской партии»³⁷ и что коммунизм Бабёфа носил «мелкобуржуазный характер»³⁸. Другими недостатками учения равных являлись, по мнению Пригожина, идеализация патриархального цехового уклада³⁹ и то, что бабувисты исходили из «абсолютных понятий о человеке и вещах»⁴⁰.

Любопытно, как Пригожин прокомментировал «скользкий»

³⁵ *Щеголев П. П.* Филипп Буонарроти и его книга «Заговор равных» // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1940. № 52. Сер. история. Вып. 6. С. 230–263.

³⁶ *Пригожин А. Г.* Грах Бабёф — провозвестник диктатуры трудящихся. М., 1925. С. 163.

³⁷ Там же. С. 169.

³⁸ Там же. С. 166.

³⁹ Там же. С. 38.

⁴⁰ Там же. С. 167.

с революционной точки зрения момент идейной биографии Бабёфа, а именно — то, что после 9 термидора «трибун народа» поддерживал будущих деятелей Директории и осуждал М. Робеспьера: «По существу, если рассмотреть те положительные стороны, которые, по мнению Бабёфа, имел режим Робеспьера, то они превышают, даже с точки зрения Бабёфа, его отрицательные стороны. Но Бабёф либо боится это признать, либо у него не хватает смелости сделать логический вывод из своих рассуждений»⁴¹.

С. Моносов в рецензии на книгу Пригожина высказался о той довольно критически и, прежде всего, как раз о той главе, где говорится о термидорианском периоде жизни главного героя. Рецензент поставил Пригожину в вину определение Бабёфа того времени «левым якобинцем», поскольку этим понятием обычно обозначают таких деятелей, как Ж. М. Колло д'Эрбуа или Н. Бийо-Варенн. Говоря, что «трибун народа» какое-то время поддерживал Директорию, автор, по словам Моносова, мог заставить неподготовленного читателя думать, будто Бабёф был заодно с реакционным правительством. «Как и почему создавалось положение, вследствие которого истинный демократ Бабёф выступал заодно с термидорианцами против якобинцев, этого нам т. Пригожин не разъясняет»⁴², — писал Моносов. По мнению рецензента, Бабёф того времени был близок к остаткам группировок «бешеных» и эбертистов, критиковавших Робеспьера за недостаточно радикальные меры в социальной сфере: именно этим, дескать, и следует объяснять этот странный «союз» с термидорианцами. Кроме того, Моносов выразил несогласие с тем, что Пригожин посчитал бабувистский коммунизм исключительно аграрным⁴³. Еще один недостаток книги, по мнению рецензента, — небрежность и недобросовестность в ссылках⁴⁴.

Другую — совсем почти детскую — научно-популярную брошюру о Бабёфе опубликовал В. Займель. О периоде критического отношения Бабёфа к Робеспьеру в ней упомянуто лишь вскользь⁴⁵. В отличие от Пригожина, Займель считал Бабёфа деятелем отнюдь не мелкобуржуазным. То ли искренне, то ли для доходчивости, этот автор изобразил Бабёфа едва ли не идеальным, с точки зрения марксизма, революцио-

⁴¹ Там же. С.64.

⁴² Моносов С. Рецензия на книгу А.Г.Пригожина «Граф Бабёф — провозвестник диктатуры трудящихся» // Под знаменем марксизма. 1925. № 10–11. С.267–268.

⁴³ Там же. С.268.

⁴⁴ Там же. С.269.

⁴⁵ Займель В. Граф Бабёф — борец за диктатуру трудящихся. М., Л., 1928. С.66.

нером: и возможность пролетарской революции он предугадал⁴⁶, и готовил-то не заговор, а «всеобщий бунт трудящихся»⁴⁷, и деятельность агитационная была у него блестяще поставлена⁴⁸, и вообще Бабёф «был человеком из стали: никакие удары не могли сломить его»⁴⁹.

Популяризация знаний о Бабёфе осуществлялась и с помощью художественной литературы. Так, в 1931 г. вышла детская биографическая повесть о нем Н. С. Войтинской⁵⁰. Через два года в журнале «Молодой большевик» был опубликован лирический рассказ Н. Ингобора «Смерть Бабёфа». В комментарии к нему говорилось: «Бабёф и его друзья-революционеры готовили коммунистический переворот, который должен был вылиться в массовое восстание парижской бедноты, в свержение реакционного правительства Директории, захват власти и построение новой республики, в которой политические права принадлежат только рабочим»⁵¹.

В 1934 г. А. Васютинский в журнале «Борьба классов» опубликовал ряд писем Бабёфа⁵², которые взял из майско-июньского номера журнала за тот же год. А туда эти документы попали из архива департамента Па-де-Кале.

Широтой списка использованных источников примечательна статья О. Е. Сыркиной «Народное образование в программе бабувистов». Исследовательница привлекла не только воспоминания Буонарроти и документы, опубликованные с ними под одной обложкой, не только всеми цитируемые «Манифест плебеев», «Акт восстания» и «Постоянный кадастр», но также письмо аббату Ж. М. Л. Купэ и переписку с Дюбуа де Фоссе (который, правда, назван ею «Дюабу») ⁵³.

Своего рода итог довоенной советской историографии бабувизма подвела в своей статье В. Калашникова. Она повторила общие мысли о большей значимости практических планов Бабёфа, нежели его теории; о решающем влиянии на его мировоззрение философии Мабли

⁴⁶ Там же. С.34, 79.

⁴⁷ Там же. С.74.

⁴⁸ Там же. С.75.

⁴⁹ Там же. С.80.

⁵⁰ *Войтинская Н.С.* Заговор равных. Л., 1931.

⁵¹ *Ингобор Н.* Смерть Бабёфа // Молодой большевик. 1933. №7. С.22.

⁵² *Васютинский А.* Новые документы по истории заговора «равных» // Борьба классов. 1934. №10. С.88–91.

⁵³ *Сыркина О.Е.* Народное образование в программе бабувистов // Советская педагогика. 1939. №7. С.91–96.

и Морелли, взглядов якобинцев и «бешеных», а также вековых крестьянских представлений о справедливости; о незрелости капиталистических отношений и рабочего класса, следствием чего было примитивное и ограниченное понимание коммунизма. На фоне других марксистских исследований довольно неожиданным выглядит утверждение Калашниковой о том, что Бабёф опирался на узкий круг заговорщиков и не собирался вовлекать в восстание народные массы⁵⁴. «Наряду с проявлением подлинной классовой ненависти к термидорианцам Бабёф в отдельных случаях поражает своей наивностью и доверчивостью»⁵⁵, — резюмирует автор.

В первой половине XX в. в СССР были предприняты две публикации книги Ф. Буонарроти «Заговор равных». В 1923 г. вышло первое ее издание: перевод был выполнен К. С. Горбач под редакцией В. В. Святловского, написавшего также предисловие в книге, где в романтическом духе излагалась краткая история бабувистов. Во втором предисловии, автором которого был А. Ранк, высказывалось интересное мнение о том, что движение «равных» не было сугубо коммунистическим: «бросающейся в глаза особенностью „заговора равных“ является смешение в нем революционных партий всех оттенков... восхитительное согласие всех патриотов»⁵⁶. Это издание включает в себя лишь один том в 207 страниц, следовательно, является сокращенным.

Второе, более полное, двухтомное издание было осуществлено в 1948 г. под общей редакцией и с предисловием В. П. Волгина: перевод с французского выполнила Э. А. Желубовская, комментарии были написаны под редакцией А. З. Манфреда.

В 1949 г. увидела свет книга К. П. Добролюбского «Термидор». О «равных» в ней говорилось немного: автор ограничился пересказом газет Бабёфа и его памфлетов («Хотят спасти Каррье», «Путешествие якобинцев», «Трибун народа своим согражданам»), избегая давать какие-либо оценки. Что касается двойственной позиции Бабёфа в данный период, то ее исследователь лишь констатировал⁵⁷.

Таким образом, в первой половине XX в. в изучении деятельности Бабёфа отечественными исследователями наметился значительный

⁵⁴ Калашникова В. Бабёф и «заговор равных» // Исторический журнал. 1939. №8. С.112.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Из предисловия А. Ранка // Ф. Буонарроти. Грахх Бабёф и заговор равных. Пг, М., 1923. С.12.

⁵⁷ Добролюбский К. П. Термидор. Одесса, 1949.

прогресс. Ученые занимались выявлением идейных влияний на Бабёфа со стороны просветителей и анализировали эволюцию его мировоззрения. При этом отмечалось, что теория заговорщика не оригинальна и заслуживает меньшего внимания, чем его практическая деятельность и планы революционной диктатуры на переходный период. Отдельные авторы считали, что на определенных этапах своей жизни Бабёф был мелкобуржуазным деятелем, пытался опереться на непролетарские слои. Предпринимались различные попытки объяснения того, почему такой решительный демократ мог нападать на Робеспьера и выступать союзником термидорианцев. Ряд исследователей пытался доказать, что «заговор равных» был не заговором в прямом смысле слова, а попыткой организовать всенародное восстание.

* * *

В конце 50-х — начале 60-х гг. интерес к Бабёфу в СССР после некоторого затишья существенно вырос. Связано это было с двухсотлетним юбилеем революционера, приходившимся на 1960 г.

Вышедшая в 1957 г. статья А. М. Деборина, автор которой ссылается на книгу Буонарроти и переписку с Дюбуа де Фоссе, интересна тем, что здесь высказывается идея о раннем, еще до написания «Постоянного кадастра», формировании коммунистических взглядов о Бабёфа. На их становление, считал Деборин, повлияло творчество не только Мабли и Морелли, но также сочинения Ф. Буасселя, П. Дюливье, Э. Н. Ретифа де ля Бретонна⁵⁸.

В этом же сборнике появилась одна из ранних публикаций В. М. Далина о «заговоре равных». Она посвящена соратнику Бабёфа Ж. Б. Дидье-Журдейлю. Исследователь показал, что этот человек, лично близкий с Робеспьером и его квартирным хозяином М. Дюпле, стал одним из главных организаторов движения. При Наполеоне Дидье-Журдейль пытался возобновить бабувистский заговор⁵⁹.

Первая же статья Далина о «трибуне народа» — «Бабёф и Марат» — увидела свет годом раньше⁶⁰. В ней автор проследил эволюцию отношения своего героя к «Другу народа» — от негативного к позитивному⁶¹.

⁵⁸ Деборин А. М. Социально-политическая доктрина Гракха Бабёфа // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 224–243.

⁵⁹ Далин В. М. «Агент связи» Бабёфа — Дидье-Журдейль. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С. 244–257.

⁶⁰ Далин В. М. Бабёф и Марат в 1789–1790 гг. // ВИ. 1956. № 8. С. 45–58.

⁶¹ Далин В. М. Бабёф и Марат в 1789–1790 гг. // Далин В. М. Из истории социальной мысли во Франции. М., 1984. С. 33–54.

«Бабёф с гордостью принял кличку „пикардийского Марата“, — писал исследователь. — Однако между ними... не было отношений „учителя“ и „ученика“»⁶².

В 1958 г. увидела свет концептуально важная статья того же автора «Робеспьер и Бабёф»⁶³. Историк показал, сколь противоречиво было отношение «трибуна народа» к Неподкупному, которого он то критиковал, то считал «скрытым аграрником» и своим духовным отцом⁶⁴. «Бабёф, — подчеркивал Далин, — не был ни „довольно банальным антиякобинцем“, как казалось это в 1927 г. П. П. Щеголеву, ни одним из „первых вожаков“ золотой фрероновской молодежи, как совершенно ошибочно охарактеризовал его позицию после 9 термидора Альбер Матъез»⁶⁵. В том же году вышла статья Далина «Бабёф весной 1793 г.»⁶⁶.

В 1959 г. Далин выпустил заметку, где обосновывал новую датировку одного из писем Бабёфа⁶⁷.

Накануне и в год юбилея вышли публикации о движении «равных» представителей других, отличных от истории наук: литературовед С. Великовский проанализировал поэтическое наследие Бабёфа, Ш. Жермена и Марешаля⁶⁸, С. А. Фрумов разобрал педагогические воззрения главы заговора, найдя в них общие черты со взглядами Руссо, Морелли и М. Лепелетье⁶⁹. В первом случае источниками автору послужили все те же копии документов, изъятые у Бабёфа при аресте, публикации Адвелья и стихи, содержащиеся в книге Буонарроти, во втором — протоколы Комитета общественного просвещения Конвента, публикации французского историка М. Домманже и опять же воспоминания Буонарроти.

⁶² Там же. С.42

⁶³ Далин В. М. Робеспьер и Бабёф // НиНИ. 1958. №6. С.88–97. См. также: *Он же*. Первый отзыв Бабёфа о Робеспьере // НиНИ. 1960. №3. С.120–121.

⁶⁴ Далин В. М. Робеспьер и Бабёф // Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970. С.22–36.

⁶⁵ Там же. С.34.

⁶⁶ Далин В. М. Бабёф весной 1793 г. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С.574–588.

⁶⁷ Далин В. М. Новые документы об отношении Бабёфа к Дантону // ВИ. 1959. №4. С.156–160. См. также: *Он же*. Неизвестная рукопись Бабёфа // ФЕ. 1958. М., 1959. С.184–205.

⁶⁸ Великовский С. Поэтическое наследие участников «заговора равных» Г.Бабёфа. // Вопросы литературы. 1959. №2. С.197–208.

⁶⁹ Фрумов С. А. Революционная программа воспитания (к 200-летию со дня рождения Бабёфа) // Советская педагогика. 1960. №12. С.79–91.

В год двухсотлетия Бабёфа советские ученые А. М. Бобков, Н. И. Непомнящая и В. М. Далин подготовили публикацию 13 его писем к жене и сыну, переведенных с подлинников, хранящихся в ЦПА ИМЛ⁷⁰. Так документы забытого было московского архива начали вводиться в научный оборот.

6 декабря 1960 г. состоялось юбилейное заседание отделения исторических наук и Института истории АН СССР⁷¹. Первым с докладом выступил В. П. Волгин, повторив в пространной речи основные тезисы своих довоенных статей. Следующий оратор, В. М. Далин, основываясь на документах из ЦПА ИМЛ, сделал сообщение о переписке Бабёфа с Дюбуа де Фоссе и критически отозвался о взглядах на бабувизм А. Матьеза, считавшего бабувистский коммунизм пустым фасадом, и Ж. Лефевра, полагавшего его лишь распределительным. Ю. А. Мошковская рассказала об откликах на процесс Бабёфа в Германии. В. С. Алексеев-Попов в сообщении «о тактике бабувистов» еще раз подчеркнул, что речь идет не о заговоре, а о движении, то есть, считал он, готовилось всенародное восстание, а не путч. Г. С. Кучеренко сделал доклад о Маршале.

Отчет И. И. Сиволап об этом заседании был напечатан в «Вопросах истории». В приложении к нему — «Новые документы Г. Бабёфа» — был опубликован все теми же А. М. Бобковым, В. М. Далиным и Н. И. Непомнящей ряд переведенных на русский язык писем, отражающих мировоззрение народного трибуна. Все переводы были сделаны с подлинников, хранящихся в ЦПА ИМЛ. Эти документы вводились в научный оборот впервые, за исключением одного — письма Бабёфа к А. Шоммету, уже печатавшемуся в книге М. Домманже.

«Французский ежегодник» за 1960 г. также был посвящен Бабёфу. Я. М. Захер в своей статье пришел к выводу о наличии общих черт в идеологии бабувистов и «бешеных», между которыми, однако, была лишь тактическая связь, обусловленная общими лозунгами. По сути же, считал автор, первые были «прогрессивнее» вторых. Захер обнаружил, что Бабёф был знаком с одним из вождей «бешеных» — Ж. Варле, а Жермен и вовсе являлся его близким другом⁷².

Интересна статья Л. С. Гордона о дошедших до нас портретах Бабёфа и об истории их публикации⁷³.

⁷⁰ Неопубликованные письма Бабёфа. // НиНИ. 1960. № 5.

⁷¹ Сиволап И. И. К 200-летию со дня рождения Бабёфа // ВИ. 1961. № 2. С. 105–109.

⁷² Захер Я. М. Бабёф и «бешеные» // ФЕ. 1960. М., 1961. С. 48–71.

⁷³ Гордон Л. С. К иконографии Бабёфа // Там же. С. 246–252.

Б. Ф. Поршнев рассказал о посвященном юбилею Бабёфу коллоквиуме в Стокгольме. Израильский историк Я. Тальмон заявил на нем, что Бабёф был не родоначальником коммунистов XIX в., а последним эгалитаристом века восемнадцатого. Норвежец К. Теннесон назвал бабувизм всего лишь ответом последовательных робеспьеристов на термидорианскую реакцию⁷⁴.

В этом же выпуске «Французского ежегодника» В. М. Далин, основываясь на вновь обнаруженных им в ЦПА ИМЛ письмах, прокламациях и статьях Бабёфа, а также документах из Архива внешней политики России и Национального Архива Франции, представил новаторскую статью о деятельности Бабёфа в начале революции, его борьбе с косвенными налогами в Пикардии в 1789 г. и проектах демократизации армии. Таким образом, впервые в отечественной историографии было наглядно продемонстрировано, что Бабёф вышел на политическую сцену не после Термидора, а значительно раньше⁷⁵.

В том же году Далин опубликовал статью, проанализировав письмо Бабёфа к Дюбуа де Фоссе от 1 июня 1786 г. В этом письме будущий революционер весьма эмоционально высказывался о несовершенстве современной ему Франции, обрисовал проект коллективных ферм и выступал за женское равноправие. Идеи раннего Бабёфа Далин нашел весьма зрелыми: по его мнению, это был уже не эгалитаризм, хотя и еще не коммунизм; и уж конечно речь не шла только о равном распределении — принцип равного труда составлял важнейшую часть этой концепции⁷⁶.

В 1963 г. появилось новое издание книги Ф. Буонарроти. В целом оно повторяло издание 1948 г. и отличалось от него добавлением лишь еще одного приложения. Как гласило предисловие к книге, перевод и комментарии (теперь их автором значился В. М. Далин) были исправлены и дополнены⁷⁷.

В 1963 г. вышла в свет фундаментальная монография В. М. Далина «Граф Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785-1794)», ставшая важнейшей вехой в изучении взглядов и деятельности «трибуна народа». Опираясь на множество неопубли-

⁷⁴ Поршнев Б. Ф. Коллоквиум, посвященный изучению Бабёфа и бабувизма, Стокгольм, 21 авг. 1960 г. // Там же. С. 275–278.

⁷⁵ Далин В. М. Начало политической деятельности Бабёфа // Там же. С. 20–47.

⁷⁶ Далин В. М. Социальные идеи Бабёфа накануне революции // НиНИ. 1961. № 1. С. 52–71.

⁷⁷ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М.-Л., 1963. 2 т.

кованных источников — а именно документов ЦПА ИМЛ (ф. 223), Архива внешней политики России (донесения И. М. Симолина) и Архива департамента Соммы (в фотокопиях из ЦПА ИМЛ), Далин сообщил множество новых фактов о Бабёфе. В частности, он разоблачил распространённый миф о том, что отец трибуна, был-де воспитателем детей австрийского императора⁷⁸. Опроверг Далин и мнение о том, что Бабёф якобы участвовал во взятии Бастилии. Историк ярко продемонстрировал то, что его герой вышел на политическую арену уже в начале Революции. У себя на родине в Пикардии Бабёф не только выступал против косвенных налогов, но и позже — в 1791 г. — был вожаком крестьянского движения, участвовал в борьбе за уничтожение старых сеньориальных повинностей, успел побывать членом администрации департамента Соммы, а затем сделал карьеру в Париже в качестве секретаря продовольственной администрации. Таким образом, было доказано, что во Французской революции Бабёф сыграл намного более важную роль, нежели это ранее казалось. Причем, отмечал исследователь, уже в 1791 г. Бабёф считал, что настоящей свободы больше нет и критиковал деятельность членов Собрания⁷⁹.

В том, что касается идеи вождя «равных», то Далин также опроверг многие существовавшие до него представления. Исследователь полагал, что учение Бабёфа являлось самостоятельной, во многом оригинальной философией, а не эклектическим набором мыслей различных философов Просвещения. К списку «идейных отцов» Бабёфа был добавлен С. Мерсье. Кроме того, в качестве одного из важных факторов формирования мировоззрения Бабёфа Далин назвал социально-экономическую обстановку в Пикардии⁸⁰: в отличие от многих других историков-марксистов, описывавших в первых главах своих книг «базис» лишь потому что так было положено, этот автор вполне убедительно показал связь взглядов Бабёфа с экономическими реалиями его родного края. Эти воззрения, считал Далин, можно охарактеризовать такими терминами, как диалектика, эмпризм, сенсуализм, деизм, позднее — атеизм⁸¹.

На страницах своей монографии Далин дискутировал с рядом своих предшественников, особенно с П. П. Щеголевым. Если послед-

⁷⁸ Далин В. М. Грахх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785-1794). М., 1963. С.39–48.х

⁷⁹ Там же. С.404, 414.

⁸⁰ Там же. С.62–107.

⁸¹ Там же. С.336–338, 562–563.

ний сначала считал «Постоянный кадастр» отходом от коммунистической идеологии, а потом — проявлением мелкобуржуазности, то Далин, опираясь на документы, наглядно продемонстрировал, что уже в 1789 г. будущий трибун выступал за таксацию и передел земли⁸². «Интересы „бедняков“, — писал Далин, — стояли на первом плане у Бабёфа уже тогда (в ранний период революции — *М. Ч.*), а вовсе не только с 1794—95 гг., как думал П. П. Щеголев»⁸³. Не соглашался он и с мнением своего предшественника о мелкобуржуазности аграрных воззрений Бабёфа: «Вопреки тому, что писал П. П. Щеголев, между предреволюционными социальными идеями Бабёфа и его защитой „аграрного закона“ нет разрыва, нет отказа от прежних взглядов»⁸⁴.

Спорил Далин также с Ж. Лефевром, выводившим истоки бабувистского коммунизма из крестьянских общинных порядков: по мнению советского историка, «трибун народа» вполне видел буржуазность отношений, скрывавшихся под общинной оболочкой⁸⁵. Американскому историку Л. Готшалку, утверждавшему, что коммунизм «равных» следует считать аграрным, Далин возражал, что Бабёф представлял интересы рабочих, и приводил в качестве доказательства выдержку из речи, где тот выступал за право трудящихся на справедливую зарплату, соответствующую ценам⁸⁶.

Выход монографии Далина был отмечен рядом положительных рецензий в научной печати. А. Собоуль подчеркнул, что советский историк порвал с традицией рассматривать коммунизм Бабёфа как исключительно потребительский и показал своего героя «во весь рост», как одного из крупнейших деятелей революции, а не просто автора неудачного заговора⁸⁷. «Далин изучает формирование и идеи Бабёфа, — писал Собоуль, — не в форме связанной догматической системы, как это уже неоднократно делали, а как поток, в котором хилиастические идеи коммунизма, извлеченные из книг, обогащались и оживлялись влиянием событий и наблюдений»⁸⁸.

⁸² Там же. С.183.

⁸³ Там же. С.301.

⁸⁴ Там же. С.435.

⁸⁵ Там же. С.449–456.

⁸⁶ Там же. С.478–79.

⁸⁷ Собоуль А. Рец. на кн. Далина В.М. «Граф Бабёф накануне и во время Великой Французской революции» // НиНИ. 1965. №1. С.131, 133.

⁸⁸ Там же. С.130.

Отечественный историк Иоаннисян так же положительно отозвался о новой монографии, однако дискутировал с Далиным по ряду частных вопросов, отмечая, например, что тому следовало показать и других коммунистов XVIII в. Иоаннисян также полагал ошибочным видеть «пролетарский класс» всюду, где Бабёф говорит о «рабочих»: скорее речь шла о трудовом люде вообще. Указал рецензент и на то, что Далин недостаточно внимания уделил колебаниям Бабёфа между коммунизмом и эгалитаризмом. Оспаривались мнения автора книги относительно характера воззрений Доливье, Марешаля и членов «Социального кружка»⁸⁹.

В дальнейшем Далин продолжал изучение идейной и политической биографии Бабёфа, опубликовав о нем еще несколько статей. В одной из них он обратился к периоду заключения Бабёфа в Аррасской тюрьме⁹⁰. В другой, носившей название «Наполеон и бабувисты» Далин указал, что «равные» прозорливо отмечали опасность для республики в возвышении генерала Бонапарта, а тот, в свою очередь, репрессировал некоторых из них в период своего правления. Однако, находясь уже в ссылке на острове Св. Елены, Наполеон положительно высказывался о Буонарроти⁹¹.

Еще в одной работе рассматривалось противоречивое отношение Бабёфа к Ж. Ж. Руссо⁹². Одна из последних статей Далина о лидере «заговора равных» — «Вандомский процесс» — была посвящена подробностям суда над бабувистами. Из нее мы, в частности, узнаем о том, что подсудимые пытались организовать побег⁹³.

Одним из важнейших научных достижений В. М. Далина стала подготовка четырехтомного собрания сочинений Бабёфа, увидевшего свет в 1975—1982 гг. В редакционную коллегию кроме самого Далина, являвшегося ответственным редактором, автором предисловий ко всем томам и комментариев, входили также А. З. Манфред, А. Собыль, О. К. Сенекина, позднее — Г. С. Черткова. Перевод текстов сделали В. К. Покровский и Е. В. Рубинин⁹⁴.

⁸⁹ Иоаннисян А. Р. Рецензия на книгу Далина В. М. «Графх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции» // ВИ. 1965. № 1.

⁹⁰ Далин В. М. К истории „Манифеста плебеев“ Бабёф в аррасской тюрьме // История социалистических учений. М., 1964. С. 475–485.

⁹¹ Далин В. М. Наполеон и бабувисты // Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970. С. 89–98.

⁹² Далин В. М. Руссо в оценке Бабёфа // Век Просвещения. М., Париж, 1970. С. 279–288.

⁹³ Далин В. М. Вандомский процесс // ФЕ. 1978. М., 1980. С. 187–198.

⁹⁴ Бабёф Г. Сочинения. М., 1975–1982. 4 т.

Разработки В. М. Далина, высоко оцененные коллегами-историками, к сожалению, не были в достаточной мере восприняты специалистами по научному коммунизму и популяризаторами, так же нередко обращавшимися к теме «заговора равных». По крайней мере, именно такое впечатление складывается по прочтении статьи И. Клямкина, вышедшей десять (!) лет спустя после появления монографии Виктора Моисеевича. В ней Клямкин подробно воспроизводит общие места из довоенных работ и почему-то по-прежнему утверждал, что «будущий „трибун народа“ в самой революции не участвовал», будучи всего лишь «никому не известным провинциальным рыцарем справедливости»⁹⁵.

Столь же противоречивое впечатление оставляет и кандидатская диссертация В. Н. Костерева. Опираясь лишь на опубликованные документы, автор в очередной раз повторял общие мысли о том, что Бабёф идейно опирался на просветителей и готовил народное восстание, а не «заговор» в собственном смысле слова: «Революционная диктатура бабувистов это особая форма временного режима власти, предполагавшей опору на парижский городской плебс в союзе с левыми якобинцами и мелкой буржуазией при непрременной гегемонии революционных кадров заговорщиков»⁹⁶.

Начатую В. М. Далиным разработку бабувистской тематики продолжила его ученица Г. С. Черткова⁹⁷. В 1980 г. она выпустила книгу «Гракх Бабёф во время термидорианской реакции», используя в качестве источников все те же фонды №№ 223 и 317, на которые ранее опирался Далин. Кроме того, была проанализирована переписка Бабёфа с Жерменом, хранившаяся в личном архиве французского историка М. Домманже. Хронологически монография Чертковой являлась продолжением фундаментального труда Далина.

Исследовательница подробно разобрала вопрос, столь волновавший историков 1920-х — 1930-х гг.: как объяснить союз Бабёфа с термидорианцами в 1794 г.? Она показала, что, критикуя Робеспьера, «трибун народа», расходился во многих оценках истории революции с термидорианцами и, в отличие от них, выступал против неприкосновенности частной собственности. Поэтому союз с новыми правителями следует считать мнимым, несмотря на то, что, например, друг

⁹⁵ Клямкин И. Замысел без воплощения // Молодой коммунист. 1973. № 5. С. 96–97.

⁹⁶ Костерев В. Н. Проблем революционного насилия в утопическом коммунизме Гракха Бабёфа: Автореф. дис.... канд. филос. наук. Л., 1983. С. 21.

⁹⁷ См.: Черткова Г. С. Гракх Бабёф после 9 термидора (август 1794–март 1795 г.) // ФЭ. 1971. М., 1973. С. 287–304; Она же. Гракх Бабёф в аррасской тюрьме // ФЭ. 1977. М., 1979. С. 129–148.

С. Фрерона А. Б. Ж. Гюффруа финансировал газету Бабёфа⁹⁸. К тому же, «даже те идеи, которые в этот период сближали его (Бабёфа — М. Ч.), по видимости, с правыми термидорианцами — ненависть к диктатуре, антиякобинизм, борьба за свободу печати и т. п. — были широко распространены среди представителей крайне левых, плебейских течений»⁹⁹. Например, Электоральный клуб — главный центр притяжения левых сил — тогда выступал, как и термидорианские власти, за свободу торговли и отмену реквизиций.

Далее Черткова приходила к выводу, что, неизменно отличаясь в идейном плане самостоятельностью, ее герой был очень противоречив: не стоит, считала она, затушевывать эту противоречивость, пытаться упростить ее до ряда догм, тем более, что подобное качество свойственно многим деятелям революции. Соответственно, важнее рассматривать не состояние взглядов Бабёфа на каждом конкретном этапе, а сам процесс эволюции его мысли¹⁰⁰.

Полемизируя с теми, кто по-прежнему считал, что «заговор равных» был попыткой совершить переворот силами одной узкой группы лиц, Черткова вводила в научный оборот источники, свидетельствующие о том, что в планах Бабёфа был новый революционный *journée* — всеобщее восстание: трибун заявлял в своей газете о создании антиправительственной партии и призывал к свержению режима. Пропаганда Бабёфа явно отразилась на требованиях восставших 12 жерминаля. Дошли до нас и документы, свидетельствующие о наличии у него среди участников жерминальского движения и прямых последователей, например, некоего Брута Манье¹⁰¹.

Черткова также указывала на то, что коммунизм Бабёфа был не таким уж аскетическим и примитивным, как принято думать, а мысль о техническом прогрессе ему была отнюдь не чужда. Тем не менее, исследовательница полагала, что программа «равных» все же являлась утопией¹⁰².

В последних публикациях Чертковой, вышедших уже после смерти автора, вновь поднимался вопрос, о том, чем же именно было предприятие Бабёфа — заговором или движением? Теперь ответ автора

⁹⁸ Черткова Г.С. Гракх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980. С.29–37.

⁹⁹ Там же. С.45–47.

¹⁰⁰ Там же. С.48–49, 89–90.

¹⁰¹ Там же. С.49, 111–121.

¹⁰² Там же. С.145–147, 199.

звучал уже не столь однозначно, как ранее: «„Равные“ — на переломе. Революция еще не кончена, они все еще психологически связаны с ней, их тянет к массовому революционному движению. Но великая революционная буря уже идет на спад, обстоятельства изменились, и новые формы борьбы буквально навязывают себя. Все противоречия эпохи как будто сфокусировались в этом уже не движении и еще не заговоре (или, может быть, и движении, и заговоре)»¹⁰³.

Сравнивая в другой статье якобинизм и бабувизм, Черткова делает интересное замечание о том, что последний был единственным течением во Французской революции, в котором детальная разработка теории предшествовала практическому воплощению идей¹⁰⁴.

Таким образом, вторая половина 50-х — первая половина 80-х годов представляются наиболее плодотворным периодом для отечественной историографии Бабёфа. Не в последнюю очередь так сложилось благодаря 200-летию юбилею предводителя «равных», вызвавшему повышенный интерес к его деятельности и к его идеям. Период отмечен активными дискуссиями, как между самим советскими историками, так и с иностранными коллегами. Благодаря усилиям, прежде всего, В. М. Далина и Г. С. Чертковой в оборот было введено множество новых документов, значительно расширились фактические знания о Бабёфе. Учение лидера «равных» стало рассматриваться не как эклектическая смесь разнородных идей, а как оригинальное мировоззрение, не как догма или несколько сменяющих друг друга догм, а как поток. Бабёф теперь представал гораздо более значительным деятелем революции, чем думали раньше. Практически перестало применяться по отношению к нему определение «мелкобуржуазный».

* * *

С началом Перестройки интерес к личности «трибуна народа» стал угасать. Публикации, так или иначе касающиеся истории бабувизма продолжали выходить, но ничего подобного трудам Щеголева, Далина или Чертковой так и не появилось.

В обобщающей работе о Французской революции В. Г. Ревуненкова Бабёф упоминается лишь вскользь. Бабувизм, по мнению ленинград-

¹⁰³ Черткова Г.С. От Бабёфа к Буонарроти: движение во имя равенства или заговор равных? С.265–266. См. также: *Tchertkova G. De la place de Babouvisme dans l'histoire de mouvement révolutionnaire européen//Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme. P., 2003. P.155–158.*

¹⁰⁴ *Tchertkova G. Jacobinisme et Babouvisme//Les Historiens russes et le Révolution française après le Communisme. P.159–164.*

ского исследователя, вырос лишь из санкюлотского движения времен Ж. Р. Эбера и Варле¹⁰⁵: о философии же Просвещения как источнике мировоззрения Бабёфа Ревуненков ничего не говорит. «Главной слабостью этого движения, — считает историк, — был его заговорщический характер, отсутствие связей с массами»¹⁰⁶. На фоне множества аргументов в пользу обратного, представленных советскими исследователями на протяжении предыдущих десятилетий, это утверждение выглядит несколько странно.

Скорее художественный, чем научный характер носили популярные книги А. П. Левандовского, посвященные Бабёфу и Буонарроти¹⁰⁷.

В 1987 г. саратовский историк С. Е. Летчфорд защитил диссертацию, посвященную заговору «равных», в которой проанализировал ход событий 1795–1796 гг. Главными причинами утопического характера бабувистского предприятия исследователь счел грубо-уровнительный характер коммунистического учения «равных» и несовершенство их организации. Самыми ценными моментами в теории Бабёфа Летчфорд назвал впервые описанный способ перехода от частно-собственнического строя к коммунистическому и учение о диктатуре низов¹⁰⁸. В предшествовавших защите статьях исследователь проследил историю клуба Пантеон и кружка А. Амара, проанализировав содержание происходивших там дискуссий и отношения клубистов с правительством¹⁰⁹. Источниками для исследования Летчфорда стали мемуары, пресса, изданные сочинения Бабёфа (в том числе, за рубежом), публикации донесений агентов Директории.

Участнику «заговора равных» Марешалю посвящено исследование другого саратовского историка С. Е. Киясова. В своей работе он проследил биографию революционного поэта и драматурга, показав, что тот общался с Бабёфом уже в 1793 г., и выдвинул гипотезу, что Ма-

¹⁰⁵ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции. Л., 1985. С. 440–442.

¹⁰⁶ Там же. С. 442.

¹⁰⁷ Левандовский А. П. Первый среди равных. М., 1986; *Он же*. Потомок Микеланджело. М., 1991.

¹⁰⁸ Летчфорд С. Е. Гракх Бабёф во главе движения равных. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Саратов., 1987.

¹⁰⁹ Летчфорд С. Е. Клуб Пантеона и его место в оформлении бабувистской организации // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник. Саратов. 1986. С. 56–86; *Он же*. У истоков движения «равных» // Актуальные проблемы исторической науки. Сб. ст. Рукопись предоставлена Саратовским ГУ. Деп. в ИНИОН 16.1.1985. — № 19 301. С. 33–77.

решаль вышел из числа заговорщиков между 30 апреля и 7 мая 1796 г. Подобно многим предшествующим авторам, Киясов полагал, что бабувисты рассчитывали на поддержку масс, а не были узкой группой заговорщиков¹¹⁰.

В научно-популярной брошюре «У истоков революционного утопизма» А. В. Чудинов проанализировал идеи Бабёфа как часть и логическое продолжение утопической мысли Просвещения. Эта работа стала одной из первых, автор которой отказался как от марксистской терминологии в интерпретации бабувизма, так и от апологетической их оценки. «Можно только догадываться о том, какие еще невзгоды выпали бы на долю французов, если бы движение бабувистов увенчалось успехом»¹¹¹, — пишет Чудинов.

Из работ этого периода следует отметить также книгу А. Э. Штекли «Утопии и социализм», хотя она и не посвящена собственно Бабёфу. Автор книги, детально анализируя сочинения Маркса и Энгельса, доказывает, что классики марксизма отнюдь не одобряли идеи вождя «равных», как ранее считалось советскими историками, а, напротив, относились к нему весьма негативно, как к яркому представителю неприемлемого «казарменного коммунизма»¹¹².

В постперестроечный период бабувистская тема надолго выпала из поля зрения отечественных ученых. Однако в последнее время интерес к ней вновь пробудился, о чем, в частности, свидетельствует защита в 2003 г. кандидатской диссертации В. В. Соломатина о Ф. Буонарроти. В качестве источников были использованы программные сочинения бабувистов, принадлежащие, как считается, перу Буонарроти, и другие материалы, относящиеся к его общественной деятельности. Также были привлечены документы из Национальной Библиотеки Франции (фонд 20 803—4) и РГАСПИ (бывший ЦПА ИМЛ), фонд 470. В своей работе Соломатин проследил развитие идей Буонарроти, показав, в частности, определяющее влияние на них философии Руссо. Во взглядах итальянца автор диссертации увидел симбиоз коммунизма Бабёфа и эгалитаризма робеспьеристов, а также определил Буонарроти как автора идеи массовой революционной партии¹¹³.

¹¹⁰ Киясов С. Е. С. Маршалль: политическая биография. Саратов, 1987.

¹¹¹ Чудинов А. В. У истоков революционного утопизма. М., 1991. С. 61. См. также: Он же. Утопии века Просвещения. М., 2000. С. 79–89.

¹¹² Штекли А. Э. Утопизм и социализм. М., 1993. С. 182–197, 259–270.

¹¹³ Соломатин В. В. Формирование и эволюция мировоззрения Филиппо-Микеле Буонарроти накануне и в первые годы Великой Французской Революции (1777–1797 гг.). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Тюмень, 2003.

* * *

Как мы видим, на протяжении XX в. изучение Бабёфа в нашей стране достигло весьма существенного прогресса, однако к началу нового столетия интерес к движению «равных» упал, причем даже еще более значительно, чем к эпохе Французской революции в целом. Развитие бабувистики, достигнув значительных высот, надолго остановилось. И если многие исторические явления сегодня активно реинтерпретируются с отличных от марксистской точек зрения, то «заговор равных» все еще продолжает терпеливо ждать, когда современные исследователи обратят на него внимание.